

УДК 343.343.6

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-99-113>

Некоторые проблемы объективных и субъективных признаков мошенничества с использованием электронных средств платежа: теория и судебная практика

Ю.В. Иванов¹ , В.Е. Новичков¹

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

 e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Несмотря на наличие законодательства Российской Федерации, направленного на защиту электронных средств платежа от мошеннических действий, формулировки ключевых логико-языковых аспектов в этой сфере не всегда отличаются точностью и ясностью. Это порождает насущную потребность в четкой и однозначной интерпретации основных положений, определяющих объективные и субъективные характеристики мошеннических действий с использованием электронных платежных инструментов, как это определено в статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Цель состоит в выявлении наиболее сложных вопросов, возникающих при определении признаков состава преступления, предусмотренного статьей 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, для обеспечения правомерной квалификации деяний по данной норме и ограничения её от смежных составов преступлений.

Задачи: изучить законодательство и материалы судебной практики для определения существующих юридических формулировок, описывающих признаки мошеннических действий с применением электронных платежных систем и предложить законные варианты их толкования.

Методология. При изучении проблемы исследования применялись общие и особенные методы познания: диалектический, теоретический и эмпирический, логический, системно-структурный, статистический методы и контент-анализ документов.

Результаты. Изучены законодательные, судебные решения и теоретические работы, касающиеся формулировок и интерпретации логико-лингвистических явлений, включенных в объективные и субъективные признаки мошеннических действий с использованием электронных платежных инструментов. Сформулированы определения, которые наиболее адекватно отражают общепринятый характер их применения при юридической оценке деяний по статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Выводы. Обнаружены определенные проблемные аспекты, касающиеся концептуального аппарата состава преступления, описанного в статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, обосновываются те из них, которые ориентируют теорию и практику на использование формулировок, встречающихся в нормативных актах и материалах судебной практики.

Ключевые слова: мошенничество; электронные средства платежа; безналичные денежные средства; бездокументарные ценные бумаги.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Иванов Ю.В., Новичков В.Е. Некоторые проблемы объективных и субъективных признаков мошенничества с использованием электронных средств платежа: теория и судебная практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 5. С. 99–113. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-99-113>.

Поступила в редакцию 14.08.2025

Принята к публикации 15.09.2025

Опубликована 31.10.2025

© Иванов Ю.В., Новичков В.Е., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(5):99-113

Some problems of objective and subjective signs of fraud using electronic means of payment: theory and judicial practice

Yuri V. Ivanov¹ , Valery E. Novichkov¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

 e-mail: valery.novichkov@yandex.ru

Abstract

Relevance. Despite the existence of Russian legislation aimed at protecting electronic means of payment from fraudulent actions, the wording of key logical and linguistic aspects in this area is not always precise and clear. This creates an urgent need for a clear and unambiguous interpretation of the main provisions defining the objective and subjective characteristics of fraudulent actions using electronic payment instruments, as defined in Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Purpose: to identify the most complex issues that arise when determining the elements of a crime under Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, in order to ensure the lawful classification of acts under this provision and to distinguish it from related crimes.

Objectives: to study legislation and case law to determine existing legal formulations describing the signs of fraudulent actions using electronic payment systems and to propose legal options for their interpretation.

Methodology. In studying the research problem, general and specific methods of cognition were used: dialectical, theoretical and empirical, logical, system-structural, statistical methods and content analysis of documents.

Results. The article examines legislative, judicial decisions and theoretical works concerning the formulation and interpretation of logical and linguistic phenomena included in the objective and subjective signs of fraudulent actions using electronic payment instruments. Definitions are formulated that most adequately reflect the generally accepted nature of their application in the legal assessment of acts under Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Conclusions. Certain problematic aspects concerning the conceptual apparatus of the elements of a crime described in Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation have been identified, and those that orient theory and practice toward the use of formulations found in regulatory acts and materials of judicial practice have been substantiated.

Keywords: fraud; electronic means of payment; non-cash funds; uncertificated securities.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ivanov Y.V., Novichkov V.E. Some problems of objective and subjective signs of fraud using electronic means of payment: theory and judicial practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(5):99–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-99-113>.

Received 14.08.2025

Accepted 15.09.2025

Published 31.10.2025

Введение

Позитивные моменты использования электронных средств платежа очевидны, широки и многогранны. Прежде всего, это удобство и скорость транзакций, онлайн оплаты счетов, покупок, переводов средств и пр. И всё это и другое осуществляется мгновенно, вне зависимости от «привязки» к определенной территории, без необходимости посещения бан-

ков, управляющих компаний или использования наличных денежных средств.

Однако простота электронных платежей делает системы уязвимыми для кибератак и мошенничества, нанося финансовый и репутационный ущерб. Сбои в электроснабжении или сетевых коммуникациях могут парализовать платежные системы и использоваться мошенниками для получения личных данных. Ввиду увеличения количества противозаконных деяний, совершаемых с применением

электронных платёжных инструментов, стало необходимым предусмотреть уголовную ответственность за мошеннические действия в данной области, что отражено в ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Внедрение в правоприменительную практику ст. 159.3 УК РФ, определяющей ответственность за мошеннические действия, совершаемые посредством электронных платёжных инструментов, вызвано к жизни рядом основополагающих обстоятельств. Во-первых, расширение сферы информационных технологий и активное применение электронных платёжных систем спровоцировали рост мошеннических действий в данной области. Злоумышленники, включая хакеров, спамеров и фишеров, изобретают и постоянно улучшают разнообразные методы обмана, нацеленные на незаконное обогащение посредством электронных платежей. Для эффективного противодействия этим преступлениям потребовалось внедрение специализированных уголовно-правовых норм, определяющих ответственность за подобные деяния и признающих их высокую общественную опасность. Во-вторых, стало бесспорным, что мошенничество с использованием электронных платёжных инструментов наносит значительный вред как отдельным гражданам, так и социуму.

Ущерб от подобных незаконных действий может быть весьма ощутимым, а их влияние способно затронуть широкий круг лиц и организаций. Как следствие, появилась необходимость в установлении ответственности за подобные правонарушения, чтобы предотвратить их совершение и обеспечить защиту прав и интересов граждан, компаний, всего общества и государства.

В процессе создания уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа, учитывались наработки международного опыта и советы, предоставленные различными международными

структурами. В частности, принимались во внимание положения Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, утвержденной 24 декабря 2004 г., которые стали первыми в своем роде универсальными международными правилами по информационной безопасности, показывающими, насколько востребованы новые нормы международного права для справедливого и всеобщего регулирования цифрового пространства.

В свою очередь, значимость Конвенции Совета Европы о киберпреступности (ETS 185; Будапешт, 23 ноября 2001 г.) для Российской Федерации заключается в ее способности к сдерживанию киберпреступности на европейском континенте. Документ перечисляет уголовно наказуемые действия, направленные на нарушение конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и данных, а также злоупотребление ими. Конвенция предоставляет необходимые полномочия для эффективной борьбы с этими преступлениями, содействуя их выявлению, расследованию и судебному преследованию как внутри страны, так и на международном уровне, а также устанавливает механизмы оперативного и надежного международного сотрудничества в этой сфере.

Таким образом, введение уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных платежей стало необходимым шагом, обусловленным стремлением усилить борьбу с киберпреступностью, в обеспечении безопасности граждан и предпринимателей, а также привести данный комплекс в соответствие мировым нормам и нарабатанной практикой в этой сфере.

Методология

Логический и системно-структурный анализ позволил упорядочить существующие в доктрине уголовного права, законодательстве и правоприменительной практике дефиниции, отражающие сово-

купные характеристики мошенничества с использованием электронных средств платежа, закрепленные в ст. 159.3 УК РФ. Статистический метод использовался для оценки динамики, распространенности и структуры мошенничества в России за длительный период. Контент-анализ документации обеспечил возможность проведения качественно-количественного исследования содержания документов по исследуемой теме, а также подсчета частоты упоминаний ключевых определений. Анализ выявленных особенностей формулировок позволил сделать выводы о качественном содержании рассматриваемых логико-языковых феноменов.

С помощью диалектического, теоретического и эмпирического методов изучались общие аспекты конструирования диспозиций, заявленных в теме настоящей статьи уголовно-правовых норм, способы легального и догматического толкования отдельных логико-языковых феноменов, а также возможностей руководящих разъяснений Верховного суда РФ в части разъяснений, касающихся хищений, мошенничества, установления сумм размеров и ущербов, причиненных общественно опасным деянием. Логический и системно-структурный методы позволили систематизировать определения, отражающие объективные и субъективные элементы состава ст. 159.3 УК, а статистический метод предоставил возможность обобщить многолетнее состояние мошенничества в России, её динамику и удельный вес. Контент-анализ документов способствовал качественно-количественному анализу содержания документов по теме.

Результаты и их обсуждение

Согласно официальной статистике, предоставленной Банком России, в 2023 г. объем операций с использованием электронных платежных средств без согласия клиентов возрос по сравнению с 2022 г. на 11,48%. Это произошло на фоне увеличения объема денежных переводов с использованием карт, который составил

+10,54%, достигнув 136,38 трлн рублей. В 2023 г. доля операций с использованием электронных средств платежа без согласия клиентов в общем объеме денежных переводов составила 0,00119% (в 2022 г. этот показатель равнялся 0,00097%).

Количество мошеннических действий с использованием электронных средств платежа достигло рекорда среди прочих типов вмешательств, составив 984,77 тыс. операций. Наибольший объем хищений денежных средств пришелся на операции с электронными средствами платежа и составил 7 120,37 млн рублей. Однако наибольшее количество возвращенных потребителям средств было связано с операциями по типу «Счета» и составило 666,77 млн рублей¹.

С 2023 г. кредитные организации, а в рамках взаимодействия регистраторы доменных имен в зонах (ru, рф и su), а также в иных геодоменных зонах направляют в Банк России информацию о предотвращенных хищениях денежных средств². В результате подобного взаимодействия определено, что в 2023 г. удалось предотвратить незаконные операции на сумму 5 798,35 млрд рублей благодаря эффективно действующим антифрод-процедурам кредитных организаций. Эта работа позволила избежать 34,77 млн мошеннических операций с использованием электронных средств платежа³.

¹ Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций // Банк России: сайт. URL: https://cbr.ru/ analytics/ib/operations_survey/2023/ (дата обращения: 13.05.2025).

² Домены // Координационный центр доменов. RU/.РФ. URL: <https://cctld.ru/ domains/docs/> (дата обращения: 14.05.2025).

³ Объём банковских операций без согласия клиентов в РФ в 2023 году вырос на 11,48% // АК&М: сайт. URL: https://www.akm.ru/news/obem_bankovskikh_operatsiy_bez_sogla-siya_klientov_v_rf_v_2023_godu_vyros_na_11_48/ (дата обращения: 14.09.2025).

В свою очередь, в МВД РФ отметили, что в 2024 г. 40% преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Количество зарегистрированных деяний увеличилось на 13,1% по сравнению с 2023 г., включая тяжкие и особо тяжкие преступления, которые возросли на 7,8%. Этот фактор значительно способствовал росту общего числа тяжких и особо тяжких преступлений в 2024 г. на 4,8%. В то же время, несмотря на общий рост преступлений, связанных с информационно-телекоммуникационными технологиями, который составил 17,1% в 2023 г., число IT-краж уменьшилось на 10,9%, а мошенничества с использованием электронных средств платежей снизились на 40,1%¹.

Для сопоставления, в 2021 г. было зафиксировано 517 722 преступления, связанных с хищениями, осуществленными с применением информационных технологий (IT), что на 1,44% больше, чем в 2020 г. (510 396 преступлений), но данный показатель в два раза превышает показатели IT-хищений, совершенных в 2019 г. (294 409 зарегистрированных общественно опасных деяний)².

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 13.05.2025); Число мошенничеств с использованием платежных систем снизилось на 40% с начала года // Интерфакс: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/893436> (дата обращения: 13.05.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 13.05.2025); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 13.02.2025); Краткая характеристика состоя-

Анализ статистики возврата банками России похищенных денег с помощью электронных средств платежа, а также исследования криминологов свидетельствуют о том, что хищения в данном секторе отличаются высокой латентностью, виктимностью и пониженными показателями раскрываемости, в том числе благодаря возможности совершения этих преступлений дистанционно и отсутствия каких-либо территориальных государственных границ для использования цифровых технологий. Как отмечают эксперты, в среднем процент раскрытия преступлений, относящихся к данной категории, обычно составляет чуть более 20% ежегодно [1, с. 36–39].

В данной области часто встречающимися хищениями являются случаи мошеннических действий, предусмотренных ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ³.

Статья 159.3 УК РФ, определяющая специфический состав мошенничества, была введена в правовое поле в 2012 г. на основании Федерального закона № 207-ФЗ и изначально вербализовалась законодателем как «Мошенничество с применением платежных карт»⁴. Начиная с момента введения ст. 159.3 УК РФ подвергалась ряду изменений и дополнений,

ния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 13.05.2025).

³ Мошенничество в сети: судебная практика и ключевые аспекты // RTM.Group: сайт. URL: <https://rtmtech.ru/research/online-fraud-research/> (дата обращения: 13.05.2025); Как это работает: семь видов мошенничества в разъяснениях Пленума ВС // Право RU. URL: <https://pravo.ru/story/200141/> (дата обращения: 13.05.2025).

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 29 нояб. 2012 г. № 207-ФЗ : послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138322/ (дата обращения: 13.05.2025).

затрагивавших в том числе и формулировку её названия. После внесения последних изменений, вступивших в силу в апреле 2018 г., рассматриваемое правовое установление в настоящее время известно как «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»³.

Статья 159.3 УК РФ представляет собой отдельный состав или разновидность мошенничества. Эта норма содержит в себе три квалифицирующих признака, которые определяют степень тяжести преступления. К таким признакам относятся: 1) деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или причинение значительного ущерба гражданину 2); противоправные действия, охватываемые диспозицией основного состава и частью второй рассматриваемой статьи уголовного закона, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо в крупном размере; 3) деяния, предусмотренные ч. 1–3 исследуемого артикула, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере.

К настоящему времени научных теоретических или практических исследований по данной теме проводилось недостаточно, а какие-либо монографические труды и вовсе отсутствуют. Можно отметить и то обстоятельство, что в отдельных научно-практических работах рассматриваемая здесь тема исследуется по предыдущему её наименованию в уголовном законе [2, с. 298].

Поэтому основной целью настоящей статьи прежде всего является анализ совокупности объективных и субъективных признаков ст. 159.3 УК РФ и выявление в них проблем, имеющих значение для квалификации состава мошенничества с использованием электронных средств платежа.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 23 апр. 2018 г. № 111-ФЗ : послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (дата обращения: 13.05.2025).

Уголовный закон, к сожалению, не даёт развернутой характеристики объективных и субъективных признаков ст. 159.3 УК РФ. Диспозиция указанной нормы лишь фиксирует то, что за противоправные действия, связанные с мошенническим использованием электронных платежных инструментов, виновное лицо будет привлечено к уголовной ответственности, а мерой «возмездия» может стать как денежный штраф, так и реальное лишение свободы в пределах трехлетнего срока. Е.И. Думанская и А.Г. Меньшикова отмечают, что классическое мошенничество, зафиксированное в уголовном законодательстве, трактуется как хищение чужого имущества или получение прав на чужое имущество через обман или злоупотребление доверием, в то же время в случае мошенничества, связанного с использованием электронных платежных систем, подобные определения отсутствуют полностью [3, с. 50–57].

Зная определение классического мошенничества (ст. 159 УК), общественно опасное деяние, являющееся основой анализируемой нормы (ч.1 ст. 159.3 УК), следует считать таким же хищением с применением электронных платежных средств, а согласно первому примечанию к норме о краже в УК РФ, предметом преступного деяния посредством электронных платежных средств рассматривается чужое имущество.

Так, Н.А. Лопашенко приходит к убеждению, что в контексте мошенничества, в том числе с применением электронных платежных средств, предмет преступного посягательства охватывает значительно более разнообразный спектр, чем при «традиционном» хищении [4, с. 70].

В.В. Хилота, анализируя проблему предмета хищения, выражает мнение, что если раньше к имуществу относились исключительно материальные объекты, то в современную эпоху наблюдается процесс «дематериализации» представлений о предмете хищения. В результате к имуществу начинают относить концепции, не

имеющие физической основы, такие как имущественные права, цифровые финансовые активы и другие подобные элементы. Тем не менее, отмечает исследователь, возникает ряд вопросов, в первую очередь касающихся того, что именно определяет механизм отнесения различных благ к категории предмета хищения, особенно тех, которые считаются имуществом [5, с. 7–8].

Действительно, на первый взгляд в Уголовном кодексе Российской Федерации и в решениях Верховного Суда РФ прямо не указываются, а иногда и отсутствуют четкие официальные определения и разъяснения имущества и прав на него. В связи с этим правоведами предлагается необходимость разработки и нормативного закрепления специфического уголовного понятия имущества [6, с. 121–124].

Нам представляется, что подобная постановка проблемы не совсем верна, т. к. различные источники гражданского права имеют достаточное число норм, в которых даются легальные формулировки предмета хищения.

Федеральный закон № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» определяет «электронное средство платежа» как инструмент и/или метод, который позволяет клиенту оператора по переводу денежных средств создавать, удостоверить и передавать распоряжения для выполнения переводов денег в рамках существующих форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, включая платежные карты и другие технические устройства (ч. 19 ст. 3)¹. В данном определении акцентируется внимание на «переводе денежных средств» через формы безналичного расчета, действующие в Российской Федерации.

¹ О национальной платежной системе: Федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 13.05.2025).

Согласно действующей ст. 128 Гражданского кодекса РФ, к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, а также иное имущество, например, имущественные права и безналичные денежные средства, включая цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права. Кроме того, Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 219-ФЗ внес изменения в п. 2 ст. 38 ч. 1 Налогового кодекса РФ, где теперь под имуществом понимаются различные виды объектов гражданских прав, относимые к имуществу по Гражданскому законодательству. Таким образом, и безналичные денежные средства, и бездокументарные ценные бумаги теперь признаются имуществом в контексте налогообложения².

Сторонники концепции гражданско-правовой ответственности за перевод электронных денег от фактического владельца к виновному лицу утверждают следующее: 1) в таких ситуациях существует возможность подачи «виндикационного иска» [7, с. 157–180], что позволяет вернуть средства их первоначальному «владельцу» или третьим лицам [8, с. 177], при условии, что эти деньги могут быть опознаны как ранее ему принадлежавшие [9, с. 6–8]; 2) в подобных обстоятельствах виндикация родовых вещей принципиально невозможна [10, с. 70–72].

По нашему мнению, когда возникают ситуации, в которых невозможно с уверенностью установить принадлежность спорных вещей, относящихся к родовому имуществу, следует применять альтернативные меры судебной защиты, такие как взыскание убытков или неос-

² О внесении изменения в статью 38 части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 20 июля 2020 г. № 219-ФЗ: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357758/ (дата обращения: 13.05.2025).

новательного обогащения либо признание сделки недействительной и т. п.

Вышеизложенное даёт нам основание согласиться с теми учеными, которые полагают, что при оценке объективной стороны, и в частности, объектно-предметной сути общественно опасного деяния, большинства экономических преступлений, только способ совершения преступления подлежит уголовно-правовой квалификации [11, с. 75], в то время как понятие чужого имущества относится к сфере гражданского права [12, с. 58].

В целом же мы согласимся с доводом Л. Гаухман и А. Филаненко о том, что право собственности – это двуединая категория, включающая как экономическую, так и юридическую [13, с. 19] составляющие (в нашем случае – уголовно-правовую компоненту).

В теории уголовного права объектом преступления считаются определенные общественные отношения, представляющие собой те, которые находятся под защитой уголовного закона и которым может быть нанесен ущерб или причинен вред, что особенно часто наблюдается при имущественных преступлениях. Однако, по мнению А.В. Наумова, применение подобного подхода не всегда уместно, в частности, при рассмотрении дел об убийствах, т. к. в аналогичных ситуациях необходимо рассматривать объектом преступления те блага, которые были затронуты и которые защищаются уголовным законом (личность)¹.

Общим объектом рассматриваемого преступления (ст. 159.3 УК) являются общественные отношения в экономической сфере Российской Федерации, а видовым объектом мошеннических действий, осуществляемых посредством электронных платежных инструментов, является комплекс общественных взаимосвязей, касающихся правомерного, гарантийного и стабильного права на все-

целое владение, использование и управление личной собственностью.

Общественно опасное деяние, являющееся предметом настоящего анализа, становится возможным исключительно в сфере товарно-денежного оборота с использованием такого специфического электронно-виртуального, цифрового средства, как электронное средство платежа.

Ряд исследователей полагают, что ключевой особенностью мошенничества с использованием электронных платежных средств выступает участие трех сторон: владельца электронных безналичных средств, оператора, осуществляющего денежные переводы, и лица, пытающегося завладеть этими средствами [14, с. 49]. Те ученые, которые, поддерживая данную точку зрения, полагают, что совершенно безосновательно обсуждать хищение чужих безналичных электронных денег в рамках мошенничества с использованием электронных платежных систем из-за того, что это преступление не может быть совершено без нарушения закона в сфере имущественных прав [15, с. 121–124]. Кроме того, специалисты в данной области считают, что этот вопрос излишне насыщен теоретическими размышлениями, касающимися исключительно предмета преступления² или, что более вероятно, схем, средств и способов мошенничества, связанных с использованием цифровых способов оплаты.

Таким образом, отметим, что ситуация с криптовалютами в России неоднозначна из-за ограниченности их правового регулирования. С одной стороны, в рамках отдельных процедур суды признают цифровые активы, такие как биткоин, разновидностью имущества, в том числе предмета регулирования, которые, например, могут быть использованы для погашения долгов. С другой стороны, регуляторы – Центробанк и правоохранительные органы (прокуратура, следствие) –

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1: Общая часть. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 176.

² Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2021. С. 92.

классифицируют криптовалюту как запрещенный денежный суррогат, а любую деятельность, связанную с ее распространением или оборотом, рассматривают как уголовно наказуемое деяние.

На основании перечисленных выше гражданско-правовых актов, других нормативных документов и судебных интерпретаций трудновоспринимаемых на практике формулировок можно заключить, что предметом преступления, определенного в ст. 159.3 Уголовного кодекса, являются цифровые активы и права на них, включая безналичные деньги, электронные валюты и криптовалюты, сосредоточенные в информационно-коммуникационных технологиях компьютерно-электронной сферы и размещенные в носителях компьютерной информации и других технических устройствах.

Иными словами, толкование ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, подкрепленное положениями гражданской и других правовых отраслей, позволяет заключить, что предметом мошенничества с электронными платежами выступают только денежные средства, находящиеся на банковских счетах, и электронные деньги. Такая узкая направленность указывает на специальный характер предмета данного состава преступления: из всего многообразия имущества закон в данной норме защищает лишь нематериальные денежные средства.

Ключевыми атрибутами объективной стороны мошеннических действий, совершаемых с применением электронных платежных инструментов, являются: само деяние, способ, средства или инструменты, используемые для его реализации. Дополнительные параметры включают в себя временной период и географическое местоположение преступления, а также сопутствующие обстоятельства, условия и обстановку, в которой данное противоправное деяние было совершено.

Схема мошеннических действий, особенно когда задействованы электрон-

ные способы оплаты, предполагает, что они носят материальный характер. Таким образом, структура объективной стороны преступления охватывает не только противоправные деяния и результаты в форме фактического вреда, но и причинно-следственную зависимость между мошенническим деянием и возникшими последствиями. В.В. Хилюта подчеркивает, что подобная структура объективной стороны подразумевает наличие определенного ущерба и его взаимосвязь с действиями, которые вызвали данное общественно опасное деяние [16, с. 79].

Анализ статьи, касающейся мошенничества с использованием электронных платежей, показывает, что жертвой противоправных действий может стать не только владелец денежных средств, но и сотрудник кредитной организации. Несанкционированное проникновение в информационно-технологическую структуру приводит к сбоям в функционировании систем, обрабатывающих данные, и вводит в заблуждение вышеназванных пользователей, осуществляющих электронные платежи.

Ряд экспертов придерживаются мнения, что противоправные манипуляции обманного свойства, квалифицируемые по ст. 159.3 УК РФ, могут быть осуществлены посредством воздействия на информационные системы, где хранится компьютерная информация, рассматривая её в качестве непосредственного или дополнительного предмета преступления [17, с. 29–30].

Не вдаваясь в подробности данной дискуссии, необходимо подчеркнуть, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 содержатся разъяснения, касающиеся различных аспектов мошеннических действий. В частности, там разъясняется способ совершения мошеннических действий с применением электронных платежных инструментов. Также дается трактовка обмана как метода реализации этого преступления. Наконец, определяется злоупотребление доверием, пресле-

дующее корыстную цель, в контексте принятия решения о передаче чужой собственности третьим лицам¹.

Присвоение чужой собственности возможно лишь при наличии корыстного мотива. В указанном Постановлении Верховный Суд РФ акцентирует внимание на том, что для квалификации деяния как вида мошенничества необходимо установить наличие у виновного корыстного умысла, т. е. намерения незаконно завладеть чужим имуществом с целью его использования в своих интересах и личной выгоды.

Так, например, вводная часть приговора Ленинского районного суда города Курска содержит описание обстоятельств, при которых у обвиняемой, осведомленной об отсутствии PIN-кода у кредитной карты жертвы и о доступном лимите в 10 000 рублей, зародился преступный корыстный план. Этот план заключался в незаконном присвоении денежных средств с данного банковского счета. Реализация замысла осуществлялась мошенническим путем с применением электронных платежных инструментов, а именно посредством оплаты товаров, сервисов и снятия наличных через терминалы и банкоматы, что повлекло за собой нанесение значительного ущерба потерпевшей².

Другой пример. В решении Промышленного районного суда Курска установлено, что обвиняемый, понимая функцию банковской карты как инструмента доступа к финансам на счете, и зная о возможности кражи средств без ввода PIN-кода, из личной выгоды, стре-

мясь к незаконному обогащению, принял решение похитить деньги, принадлежащие жертве. Для реализации своего преступного замысла он неоднократно оплачивал товары бесконтактным способом в различных магазинах, вводя в заблуждение продавцов и скрывая факт неправомерного владения банковской картой, тем самым совершая хищение³.

Совершение действий, охватываемых ст. 159.3 УК РФ, сочетает признаки хищения и неправомерного использования полномочий лицом, имеющим особый статус.

Указанный субъект располагает ресурсами, позволяющими упростить получение доступа к имуществу или усложнить реализацию мошеннических планов. Его действия характеризуются использованием служебного положения для совершения противоправных действий.

Таким образом, рассматриваемый состав преступления включает в себя элементы как традиционной кражи, так и злоупотребления доверием или властью, что делает его квалификацию более сложной и требующей учета специфики субъекта преступления.

Для понимания квалифицирующего признака злоупотребления служебным положением при мошенничестве с электронными платежами необходимо опираться на постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30 ноября 2017 г., в котором к лицам, использующим служебное положение в мошеннических действиях, относятся: должностные лица (примечание 1 к ст. 285 УК РФ), государственные и муниципальные служащие (не должностные лица), и лица, указанные в примечании 1 к ст. 201 УК РФ. Иными словами, для определения наличия данного квалифицирующего признака следует обращаться к указан-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 2.

² Приговор Ленинского районного суда г. Курска № 1-379/24-2021 от 16 сентября 2021 г. по делу 1-379/24-2021 // Ленинский районный суд г. Курска: сайт. URL: <https://lensud.krs.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

³ Приговор Промышленного районного суда г. Курска №1-252-2020 от 30 июня 2020 г. по делу 1-252/2020 // Промышленный районный суд г. Курска: сайт. URL: <https://promyshlenny.krs.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

ным нормативным актам и анализировать статус лица, совершившего мошенничество.

Для признания деяния преступлением, предусмотренным ст. 159.3 УК РФ, требуется одновременное присутствие всех обозначенных критериев. Это означает, что субъект должен незаконно завладеть деньгами, применив электронный платежный инструмент, действуя при этом с мошенническим намерением (умыслом) и руководствуясь корыстными целями и личной выгодой [18, с. 58–67].

По мнению Верховного Суда РФ, выраженному в постановлении Пленума № 19 от 16 октября 2009 г., мошенничество с использованием цифровых платежных средств признается оконченным в момент фактического неправомерного списания денежных средств с банковского счета потерпевшего, доступного через онлайн-сервисы¹.

Необходимо принимать во внимание, что обманные действия с применением электронных платежных инструментов могут быть направлены как против граждан, так и против организаций. Вне зависимости от жертвы такое деяние подпадает под действие ст. 159.3 УК РФ. Важно понимать, что компании также подвержены риску стать жертвами злоумышленников, незаконно присваивающих имущество или получающих на него права посредством электронных платежей, например, если мошенник неправомерно использует корпоративную банковскую карту, связанную со счетом фирмы, или похищает безналичные активы с корпоративного счета, применяя различные электронные платежные средства, такие как онлайн-банкинг. Следовательно, можно утверждать, что методы преступной деятельности мошенников с использованием электронных средств

платежа могут затронуть и коммерческие структуры, нанося им материальный ущерб посредством использования разнообразных технологий для несанкционированного доступа к их финансовым ресурсам.

Для индивидуальных предпринимателей, самозанятых граждан, небольших охранных фирм и прочих малых предприятий даже финансовые потери в диапазоне от пяти до двухсот пятидесяти тысяч рублей могут оказаться весьма ощутимыми. Мошеннические действия, осуществляемые через электронные платежные сервисы, могут нанести серьезный удар по оборотным средствам компании. Это, в свою очередь, способно негативно повлиять на коэффициент текущей ликвидности, который рекомендуется использовать для оценки значительности ущерба в подобных ситуациях. Этот коэффициент определяется как соотношение ликвидных активов к краткосрочным обязательствам организации. В сложившихся обстоятельствах негативные последствия испытывает не только сама организация, понесшая ущерб, но и другие заинтересованные стороны. Убытки, понесенные юридической организацией, имеют далеко идущие последствия, которые выходят за рамки лишь прямых финансовых потерь. Они также оказывают влияние на интересы третьих лиц.

Анализируемое преступление может быть осуществлено как одним индивидом, так и группой лиц, действующих по предварительному соглашению. В таком случае степень ответственности каждого участника определяется исходя из его роли в совершении преступного деяния.

Еще одним отягчающим обстоятельством при мошенничестве с использованием электронных платежей является совершение преступления организованной группой (ч. 4 ст. 159.3 УК РФ). Этот квалифицирующий признак указывает на повышенную общественную опасность деяния, заранее спланированного и согласованного между участниками. Подобное объединение отличается от обычной группы своей выраженной стабиль-

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2009. № 12.

ностью, которая проявляется в продолжительной криминальной активности. Эта стабильность также характеризуется систематичностью совершаемых противоправных действий и длительностью этапа подготовки к ним. Другими словами, это не спонтанное сборище, а заранее спланированная и действующая на постоянной основе преступная структура.

На наш взгляд, наиболее полные признаки организованной группы (более 30 признаков) раскрыл Верховный Суд Российской Федерации, указав, в частности, что наличие устойчивой структуры, единства целей и общей преступной направленности подтверждается следующими факторами: стабильный состав участников, их тесная связь и согласованность действий, последовательность в методах и формах противоправной деятельности¹. Преступная деятельность рассматривается как основной источник дохода. Участники планируют совершение множества подобных преступлений, готовятся к ним, разрабатывают планы и распределяют роли, учитывая личные качества, навыки каждого и т. д.

Для мошенничества с электронными платежами характерна субъективная сторона, выраженная в прямом умысле и стремлении к личной выгоде, иначе выраженная корыстным мотивом. Специалисты в области уголовного права считают, что при определении состава преступлений, обусловленных корыстными мотивациями, ключевым фактором является установление момента возникновения корыстного умысла у преступника – он должен предшествовать совершению деяния и выступать в качестве основной психологической движущей силы, определяющей квалификацию совершенного противоправного действия [19, с. 13–18].

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. N 51-АПУ17-16 // Легалакт: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122017-n-51-apu17-16/> (дата обращения: 19.05.2025).

Умысел субъекта, совершающего мошенничество с использованием электронных платежных систем (ст. 159.3 УК РФ), способен формироваться заблаговременно или спонтанно, в зависимости от сложившейся ситуации, и реализовываться незамедлительно.

Субъектом преступления, определенного ст. 159.3 УК РФ, выступает физическое лицо (дееспособный индивид, достигший шестнадцатилетнего возраста), за исключением части 3 данной статьи, где обозначен специальный субъект – лицо, злоупотребляющее своим служебным положением, а также административными, хозяйственными и управленческими функциями в противоправных целях.

Установление субъективной стороны мошенничества, совершаемого с использованием электронных платежных инструментов, является принципиально важным для точной юридической оценки содеянного. Это позволяет отличить ст. 159.3 УК РФ от смежных преступлений и реализовать главную задачу уголовного права – назначение справедливого наказания.

В контексте рассматриваемого состава преступления инструменты, используемые для мошеннических действий, представляют собой два различных типа: первый – основан на способе получения злоумышленником доступа к средствам (украденные или фальшивые), второй – классифицирует средства по типу платежного инструмента.

Электронные средства платежа, которыми лицо неправомерно владеет и не имеет права распоряжаться, квалифицируются как чужие. Способ получения мошенником такого средства – кража или находка – не имеет значения. Платежные инструменты, полностью или частично сфальсифицированные, признаются поддельными, при этом способ, качество и масштабы подделки не считаются мошенничеством с использованием цифровых платежных средств. Ключевым моментом является то, что сотрудник банка или торговой точки должен принять под-

дельное средство за настоящее. Среди распространенных электронных средств платежа выделяются платежные карты и электронные кошельки.

Увеличению числа мошеннических действий в сфере электронных денег способствует широкое распространение сервисов безналичной оплаты без физической банковской карты, таких как "Android Pay" и др., используемых смартфонами, смарт-часами и другими устройствами.

Сегодня большинство компаний, производящих смартфоны, интегрируют эту технологию, превращая гаджет в своего рода цифровой эквивалент банковской карты. Пользователю достаточно поднести устройство к POS-терминалу после активации соответствующей функции. В ряде ситуаций для подтверждения достаточно личного пароля, установленного владельцем, что позволяет совершать транзакции без необходимости ввода PIN-кода.

Недавно отдел по борьбе с киберпреступностью МВД России выявил новую схему мошенничества, связанную с банковскими картами. Злоумышленники используют уязвимости бесконтактных платежей для несанкционированного доступа к средствам или используют систему быстрых платежей (СБП) для кражи денег с банковских счетов. Часто мошенники обманывают покупателей дорогих товаров в онлайн-магазинах. Человек оставляет заявку на сайте, а затем получает звонок или сообщение от мошенника, который представляется сотрудником магазина и предлагает скидку при оплате через СБП по QR-коду. Если «заказчик» соглашается, мошенник отправляет ему ссылку с формой оплаты. Как только покупатель подтверждает платеж, деньги перечисляются на счет мошенника, а не в интернет-магазин.

Выводы

В ходе исследования были рассмотрены некоторые проблемы определения объективных и субъективных признаков ст. 159.3 УК РФ, проанализированы ос-

новные аспекты социальной обусловленности, а также нормативно-правовой и судебной регламентации данного вида мошенничества, что позволяет нам сделать заключение о его значительной общественной опасности и необходимости установления уголовно-правовых мер защиты.

Анализ показал, что мошенничество происходит через сложные схемы, включая электронные средства платежа, и затрагивает экономические отношения. Ключевыми аспектами являются: наличие корыстного намерения, особый способ совершения преступления (с использованием электронных средств платежа) и специфика субъекта преступления.

Очевидно, что речь идет не просто о хищении, а о преступлении, посягающем на доверие к современным финансовым технологиям, к безналичным расчетам, ставшим неотъемлемой частью нашей жизни.

Ключевым моментом в квалификации деяния по данной статье является совокупность всех элементов состава преступления. Наличие объекта, объективной и субъективной стороны, а также установленного субъекта – вот те «кирпичики», из которых складывается состав преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ.

Отсутствие хотя бы одного из этих элементов, будь то недостижение возраста уголовной ответственности, отсутствие умысла на хищение или отсутствие использования электронных средств платежа, автоматически исключает возможность привлечения к ответственности по данной статье. Это подчеркивает необходимость тщательного и всестороннего анализа каждого конкретного случая, чтобы исключить необоснованное обвинение и обеспечить соблюдение принципа законности.

Таким образом, ст. 159.3 УК РФ является важным инструментом в борьбе с мошенничеством в сфере электронных платежей, требующим, однако, внимательного и квалифицированного применения.

Список литературы

1. Шавалеев Б.Э. Особенности мошенничества с использованием электронных средств платежа в структуре современной российской преступности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5, № 1 (9). С. 36-39.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 1359 с.
3. Думанская Е.И., Меньшикова А.Г. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: трансформация в законе и практике // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 50-57.
4. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, 2012. 527 с.
5. Хилота В.В. Понимание имущества как предмета хищения в уголовном праве: постановка проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 1 (84). С. 5-11.
6. Иванова О.М., Иванов М.Г. Проблема квалификации «бесконтактных» хищений на стадии возбуждения уголовных дел // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 3 (45). С. 121-124.
7. Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 157-180.
8. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 479 с.
9. Яковлев В.Ф. О проекте Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 4. С. 6-101.
10. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
11. Меньшикова А.Г., Кочкурова Е.А. К вопросу о характеристике предмета мошенничества с использованием электронных средств платежа // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2 (37). С. 73-80.
12. Кукушкин С.Н. Значение гражданского права при квалификации отдельных составов экономических преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 56-60.
13. Гаухман Л., Филаненко А. Отграничение хищений чужого имущества от хищений других предметов, предусмотренных специальными нормами // Уголовное право. 2008. № 5. С. 18-21.
14. Соловьева Е.А. Преступления, совершаемые в платежных системах: монография / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2021. 172, [2] с.
15. Лапшин В.Ф. Финансовые преступления: политика противодействия и законодательная техника: монография / под науч. ред. проф. Л.Л. Кругликова. М.: Юрлитинформ, 2016. 232 с.
16. Хилота В.В. Хищение как причинение ущерба и как противоправное изъятие: доктринальные и правоприменительные проблемы // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7, № 3. С. 72-82.
17. Бегишев И.Р., Бикеев И.И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Познание, 2020. 300 с.
18. Уголовно-правовая характеристика хищений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий: монография / Л.М. Бабкин, Э.Ю. Бадалянц, Е.О. Бодрова, В.В. Геранин, С.Н. Мальцева. М.: Москов. ун-т им. С.Ю. Витте, 2024. 110 с.
19. Гарбатович Д.А., Классен А.Н. Квалификация преступлений по мотиву и цели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 13-18.

References

1. Shavaleev B.E. Features of fraud using electronic means of payment in the structure of modern Russian crime. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Academic Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(1):36-39. (In Russ.)
2. Lebedeva V.M. (ed.) *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation*. 3rd ed., red. and expan. Moscow: Yurait; 2013. 1359 p. (In Russ.)

3. Dumanskaya E.I., Men'shikova A.G. Fraud using electronic means of payment: transformation in law and practice. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*. 2022;(3):50-57. (In Russ.)
4. Lopashenko N.A. Encroachments on property. Moscow: Norma; 2012. 527 p. (In Russ.)
5. Khilyuta V.V. Understanding property as an object of theft in criminal law: problem statement. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):5-11. (In Russ.)
6. Ivanova O.M., Ivanov M.G. The problem of qualification of "contactless" theft at the stage of initiation of criminal cases. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2021;(3):121-124. (In Russ.)
7. Sazhenov A.V. Cryptocurrencies as a New kind of disembodied things. In: Lauts E.B. (ed.) *Modern information technologies and law*. Moscow: Statut; 2019. P. 157-180. (In Russ.)
8. Cherepakhin B. B. Works on civil law. Moscow: Statut; 2001. 479 p. (In Russ.)
9. Yakovlev V.F. On the Draft Concept for improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2009;(4):6-101. (In Russ.)
10. Sukhanov E.A. Property law: a scientific and educational essay. Moscow: Statut; 2017. 560 p. (In Russ.)
11. Men'shikova A.G., Kochkurova E.A. On the issue of the characteristics of the subject of fraud using electronic means of payment. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*. 2023;2(37):73-80. (In Russ.)
12. Kukushkin S.N. The importance of civil law in the qualification of certain types of economic crimes. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(4):56-60. (In Russ.)
13. Gaukhman L., Filanenko A. Distinguishing theft of other people's property from theft of other items provided for by special rules. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2008;(5):18-21. (In Russ.)
14. Soloveva E.A. Crimes committed in payment systems. Moscow: Yurлитinform; 2021. 172, [2] p. (In Russ.)
15. Lapshin V.F. Financial crimes: counteraction policy and legislative technique. Moscow: Yurлитinform; 2016. 232 p. (In Russ.)
16. Khilyuta V.V. Embezzlement as damage and as unlawful seizure: doctrinal and law enforcement issues. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*. 2020;7(3):72-82. (In Russ.)
17. Begishev I.R., Bikeev I.I. Crimes in the sphere of digital information circulation. Kazan': Poznanie; 2020. 300 p. (In Russ.)
18. Babkin L.M., Badal'yants E.Yu., Bodrova E.O., Geranin V.V., Mal'tseva S.N. Criminal and legal characteristics of thefts committed using information and communication technologies. Moscow: Moskov. un-t im. S.Yu. Vitte; 2024. 110 p. (In Russ.)
19. Garbatovich D.A., Klassen A.N. Qualification of crimes by motive and purpose. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2017;(3):13-18. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Иванов Юрий Владимирович, аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: dr.uriy-ivanov@yandex.ru

Новичков Валерий Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valery.novichkov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672

Yuri V. Ivanov, Postgraduate Student of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: dr.uriy-ivanov@yandex.ru

Valery E. Novichkov, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valery.novichkov@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8976-5672